

А.А. Смирнов

Баллады Жуковского

Жуковский утвердил жанр баллады в русской поэзии. Он познакомил читателей с самыми выдающимися образцами этого жанра в европейской литературе: «Кубок», «Рыцарь Тогенбург», «Ивиковы журавли», «Кассандра» Шиллера, «Лесной царь» Гёте, «Замок Смальгольм» В. Скотта, «Суд божий над епископом» Саути, «Роланд оруженосец» Уланды и др. Одновременно он создал в «Людмиле», «Светлане» национальную форму баллады. В ходе полемики о сущности нового жанра, в которой участвовали Гнедич и Грибоедов, имя Жуковского стояло в центре литературных споров.

Образ Жуковского-«балладника» известен нам по портрету О. Кипренского, где он изображен на фоне таинственного пейзажа, столь частого в его балладах: башни, замки, рвы, холмы, туманная даль, а в центре находится задумчивый мечтатель, устремляющий свой взор ввысь.

В основе эстетики баллады лежит представление об ужасном событии в судьбе человека, оно реализуется у романтиков в образах привидений, мертвецов, которые оживают в гробах; мертвых женихов, скачущих ночью на коне за невестой; сатаны, являющегося за душой грешника; злодеев, продавших душу ребенка дьяволу. Действие происходит в особой полуфантастической обстановке: кладбище, разверстые могилы, каркающие вороны, багровая луна, освещающая пляшущих духов или скелеты, ночной лес, горящие деревья.

Поэтика фантастического и ужасного, атмосфера тайны, нарочито запутанные проблемы романтической этики (справедливость, возмездие, самопожертвование, верность долгу, любовь и бескорыстие) — основные слагаемые нового художественного мира, открывшегося русскому читателю в балладах Жуковского.

Жизнь как постоянное противостояние судьбе, как поединок человека и обстоятельств, которые одерживают верх над ним, трагическая обреченность человека, наличие неподвластной человеку силы рока — такова этико-философская проблематика баллад.

Основа балладного сюжета заключена в преодолении человеком преграды между посясторонним и потусторонним миром.

В балладе «Светлана» (опубликована в журнале «Вестник Европы» в 1813) Жуковский предпринял попытку создать самостоятельное произведение, опирающееся в своем сюжете на национальные обычаи народа — в отличие от баллады «Людмила», являвшейся вольным переводом баллады немецкого поэта Бюргера «Ленора». В «Светлане» поэт использовал древнее поверье о гаданиях крестьянских девушек в ночь перед Крещением. В начале XIX века гадания утратили свою первоначальную магическую основу, став излюбленной девической игрой. Единственным путем к перемене жизни девушки в прошлом было ее замужество, поэтому и вопрос, кто будет ее «суженым», был очень важным. Жуковский обращается только к некоторым из древних девических гаданий, поскольку ему важна не этнографическая полнота древнейших форм обрядности, а новые средства для создания национального колорита в стихотворении. В сюжете «Светланы» девушки бросают за ворота башмачок, и чей из них будет поднят первым случайным прохожим, та и выйдет первой замуж. Жуковский посвятил эту балладу своей племяннице Александре Андреевне Воейковой, урожденной Протасовой, поднеся ее в качестве свадебного подарка.

Жуковский погружается в сферу народных легенд и суеверий в том виде, в каком они представали в сознании людей начала XIX века. Формой обращения поэтов-

Протест Людмилы вызывает усугубление кары, человек становится рабом судьбы, которой он должен смиренно подчиниться. О том, что человек бессилен в мире небытия, говорит концовка:

Вдруг усопшие толпою
Потянулись из могил;
Тихий, страшный хор завыл:
«Смертный ропот безрассуден;
Царь всевышний правосуден;
Твой услышал стон творец;
Час твой бил, настал конец».

Однако романтичность баллады «Людмила» реализуется не в этом моралистическом постулате о «безрассудности ропота смертных», а в ходе фантастического сюжета: неожиданный приезд жениха, вереница видений, сопровождающих их в пути, таинственные огни, вспыхивающие в поле, бой часов в полночь. Расширение границ обыденного, тяга к неизведанному — вот главные составляющие романтического взгляда на мир, осуществленные в этой балладе, само же нарушение кем-либо человеческих и божеских законов не содержит в себе ничего романтического, как и появление потустороннего гостя и проявление знаков, которые подает провидение.

Баллады Жуковского открыли романтическое течение в русской литературе, создали оригинальную жанровую традицию: фантастически напряженный ход событий, драматизированный сюжет, моралистический итог, откровенная условность авторской позиции. После Жуковского в русской поэзии легендарность историко-героического сюжета стала необходимым условием балладного жанра.